

К НЕВСКИМ БЕРЕГАМ

Пути в российскую столицу у героев нашей хроники были разными; но почти у всех долгими и трудными. И все они шли с востока.

Что такое «Горькая линия», многие читатели знают по роману Ивана Петровича Шухова. Но история Горькой линии даже в самых общих чертах известна далеко не многим. Мало кто (кроме специалистов, конечно), знает, что возникла она на десятилетия позже, чем значительно более удаленная от европейской России Иртышская.

При Елизавете Петровне, в 1755 году, правительство обратилось к сибирским «городовым» (т. е. жившим в городах Тюмени, Тобольске, Таре) казакам с предложением переселиться на границу со степью. Условия казались выгодными; переселялись многие. В их числе было трое братьев Потаниных.

Сын одного из них, Андрея, Илья оказался наиболее удачливым. Он отлично приспособился к условиям спокойной жизни на степной границе. Был рьян на царевой службе, дослужился до чина сотника и при том никогда не забывал о собственных интересах. Впрочем, правительство и рассчитывало, в основном, на предприимчивость переселенцев — жалование им шло очень скромное. Используя постоянно меняющуюся политическую обстановку на границе, частые перемещения многих степных богачей из разряда верноподданных, которых следовало охранять, в положение мятежников, коих полагалось наказывать, и проявив немалую купеческую споровку, сотник Потанин трудами не слишком праведными нажил немалое для этих краев богатство. Его огромные табуны и бесчисленные отары паслись на широких просторах нынешнего Северного Казахстана.

Сына своего Николая Потанин отдал в Омское казачье училище. Учился там Николай примерно в одни годы с внуком хана Аблая Чингисом Валиевым, будущим полковником русской службы и отцом Чокана Валиханова.

Николай Ильич Потанин был, несомненно, человеком незаурядным. Несмотря на скудное образование (имя Пушкина, например, до конца дней оставалось для него пустым звуком), он имел заслуги перед наукой; командование войсками Западной Сибири поручало ему ответственные задания. В 1829 году он сопровождал в качестве начальника конвоя возвращавшееся из Петербурга посольство кокандского хана и составил точную маршрутную карту пути на Коканд. Записка Николая Ильича об этом путешествии в следующем году была опубликована в «Военном журнале» — немалая честь для заолуственного казачьего офицера в небольшом чине.

Другое посольство кокандцев, которое вело в дар Николаю I слона, Потанину было поручено сопровождать до столицы. Во время экспедиций в степь Николай Ильич добирался до Ташкента, Чимкента и Сузака, вел маршрутную съемку на реке Сарысу в самом сердце Бетнакдалы.

В 1834 г. хоруинжего Николая Потанина назначили начальником отряда в Баянауле. В том же году он женился на дочери капитана-артиллериста Трунина Варваре Филипповне. 22 сентября 1835 года в станице Ямышевской у нее родился сын, которого называли Григорием.

Это был год наибольшего возвышения и счастья Николая Ильича; дальше жизнь его покатила под уклон. Человек характера независимого и упрямого, чему, конечно, содействовали его служебные успехи, Потанин сумел так рассориться с непосредственным начальством, что оказался под следствием. Дело его годами лежало в суде, а сам он большую часть времени находился в тюрьме. В период одной из его отсидок умерла жена. Все наследство постепенно ушло на взятки судейским, однако без особенного толка. Впрочем, в итоге все кончилось разжалованием Николая Ильича в рядовые. Но для самолюбивого офицера, столь успешно начавшего карьеру, это оказалось страшным ударом, от которого он так и не оправился.

Маленький Гриша жил сначала у тетки Меланьи, жены казачьего фельдшера, в Пресновке, потом у дяди Дмитрия в станице Семиярской. Дядя был богат, табуны

его насчитывали десять тысяч голов, но ребенку жилось у него скверно: его невзлюбила дядина жена, с успехом сыгравшая для него роль злой мачехи. Когда же два года спустя дядя умер, вдова немедленно спровадила племянника восвояси.

Отец жил в Пресновке в маленьком домике с сестрой и свояком. Пресновка была довольно большой станицей, здесь размещались штаб-квартиры полка и бригады. Но выглядела она, как почти все казачьи станицы того времени, неказисто: беспорядочно разбросанные избы, ветшавшие без вмешательства хозяйской руки, дворы без зелени. Многие путешественники той поры отмечали «недомовитость» сибирского казака. Это и неудивительно — главным в казачьей жизни являлась царская служба, оторвать от хозяйственных дел казака могли в любой час, естественно, он и привыкал не уделять им особенного внимания. Любви к земле, к сельскому труду у большинства казаков не было; как только появлялась возможность прибегнуть к наемным рукам, казак совсем переставал появляться на пашне. Во многих станичных дворах стояли заплатанные юрты джатаков. За право доданвать коров и иные мелкие подачки бедняки-казахи выполняли всю хозяйственную работу и по дому и в поле.

Зеленым оазисом среди пыльной серой станицы выглядела усадьба бригадного командира полковника Эллизена. У полковника был большой огород и роскошный цветник. Чтобы ухаживать за ним, требовался специальный человек. Эллизен пригласил на это место Николая Ильича; он искренне сочувствовал его незадачливой судьбе. Это избавляло Потанина от постоянных тягот службы рядового казака, от унижения, которое он испытывал, оказавшись на одной доске со своими бывшими подчиненными; естественно, он согласился. Кроме того, полковник поручил Николаю Ильичу надзор за строительством станичной церкви.

Разумеется, Эллизен и его жена знали, что у их нового садовника есть сын-сирота, наверно, и видели его, когда он прибегал к отцу. Во всяком случае вскоре они предложили, чтобы Гриша поселился у них вместе с их детьми (у Эллизенов были сын и две дочери).

Тетка Меланья и ее уже почти взрослая дочь очень хорошо относились к Грише, и он любил их. Но Эллизен в это время пригласил к своим детям учителя; разжало-

важный хорунжий этого себе позволить, конечно, не мог. И Гриша стал жить у Эллиzenов, возвращаясь в родной дом только на воскресенье. «Полковница» совершенно не делала различий в отношениях к Грише и родным детям; Потанин с благодарностью вспоминал ее всю жизнь. Вообще, несмотря на раннюю потерю матери и несчастье с отцом, детство Потанина тяжелым назвать нельзя, свет любви все время согревал ребенка — за исключением двух лет в Семиарской.

«Полковница», несомненно, была культурной женщиной. Как-то из поездки в Омск она привезла новые книги. Новые книги в доме Эллиzenов появлялись нередко, но этими жена бригадного командира восхищалась особенно, приглашала к себе жен офицеров и читала им вновь привезенные книги вслух. Впоследствии Потанин узнал, что то был Гоголь — «Ревизор» и «Мертвые души».

Хотя Гриша в это время уже свободно читал, Гоголь до него, разумеется, еще «не дошел» (да и быт крепостнической России, мало похожий на сибирско-казачий, был ему совершенно незнаком и чужд. По собственному признанию Потанина, он, уже взрослым, офицером, имел самое смутное понятие о крепостном праве — в литературе о крепостничестве говорить не разрешалось, а в сибирской жизни аналогов ему не имелось; поэтому Потанин не смог оценить тургеневских «Записок охотника»). Но и рассказы из тогдашнего популярного детского журнала «Звездочка», который «полковница» выписывала и который дети читали вслух, его уже не устраивали. Зато с жадностью, не отрываясь, проглотил он «Робинзон Крузо». Вот как описывает этот эпизод академик В. А. Обручев в своей книге «Григорий Николаевич Потанин. Жизнь и деятельность»: «Первые же страницы этой книги захватили его. В доме были гости, прислуга была занята в кухне и в столовой, а в девичьей, где горела свеча, было пусто. Гриша забрался туда с книгой и не мог оторваться от нее, пока не пришла горничная и не погнала его спать. С тех пор он стал мечтать о морских путешествиях». Было ему тогда восемь лет.

Вряд ли следует видеть в таком впечатлении что-то вроде «руки судьбы». Вероятно, миллионы мальчиков во всем мире, прочитав книгу Дефо, начинали мечтать о невероятных экспедициях. Что же мудреного, что маленький казак, который рос среди людей, полжизни,

если не больше, проводящих в пути, увлекся романтикой дальних странствий и остался ей верен до старости?

Множество белых пятен еще покрывало в ту эпоху карту мира, и были они велики. Даже Средняя Азия, с которой казахская степь соседствовала, выглядела таинственной, бывали русские в среднеазиатских ханствах и эмиратах редко, видели там мало. А уж Центральная Азия воспринималась как подлинная terra incognita.

Мальчик рос любознательным и наблюдательным. Он любил по воскресеньям смотреть, как неторопливо беседуют, присев где-нибудь в тени, старые казаки в форменных длиннополых сюртуках с наплечниками из красного сукна, как затевают лихие игры молодые парни в цветных рубахах, вышитых гарусом, любил слушать, как звучат на вечерней заре по всей станице старинные казачьи песни:

Соберемтесь мы, казаченьки,
Во единый во кружок.
Запоемте мы, казаченьки,
Песню нову про себя.
Хорошо житье казаченькам,
Только служба тяжела.
Ходя наедемся, стоя выспимся...

В положенный срок — когда мальчику исполнилось десять лет, его отправили в Омск в казачье войсковое училище. Детей рядовых казаков туда, конечно, не принимали, но помогло ходатайство Эллизена, да и о прошлых заслугах Николая Потанина в Омске, очевидно, помнили.

В момент поступления Гриши в училище внешние порядки там еще не изменились со времен учебы отца («казачья бурса» — кратко характеризовал эти порядки Г. Н. Потанин впоследствии), однако необходимость крутых перемен уже вполне назрела. Дело в том, что казачье училище было единственным учебным заведением в Омске. Город между тем рос, превращался в крупный административный центр. По необходимости в училище приходилось отдавать детей и пехотным офицерам, и чиновникам, вплоть до самых крупных. Казачьи дети составляли в контингенте учащихся уже меньшинство. Влиятельных омичей, разумеется, не устраивало, что их дети проходят курс обучения в военизированной бурсе: они хлопотали. И вот через год после приезда

Гриши училище было преобразовано в Сибирский кадетский корпус. Реформа оказалась столь основательной, что Потанин в воспоминаниях имел право писать: «Не боясь солгать, можно выразиться, что Сибирский кадетский корпус был в то время лучшим учебным заведением во всей Сибири. Даже Иркутская и Тобольская гимназии уступали ему в выборе хороших учителей, не говоря уже о Томской, в которой в это время все учителя были какие-то допотопные фигуры».

О Томской гимназии Потанину рассказывал Николай Михайлович Ядринцев, учившийся в ней. Ядринцев стал одним из двух ближайших друзей Потанина, память о которых Григорий Николаевич свято пронес через всю свою долгую жизнь. Но с Ядринцевым Потанин познакомился уже в Петербурге. Первым же его другом был Чокан Валиханов, и дружба эта началась с детских лет.

Много лет спустя, приступая к первой попытке собрать и издать литературное наследие Чокана и оглядываясь на прошлое, Потанин писал из Иркутска академику Н. И. Веселовскому: «Всего, оказывается, с Чоканом я встречался в жизни четыре раза: пять или шесть лет жизни в корпусе в Омске; потом года два в Омске, когда оба мы были офицерами, я — казачьим и служил в Войсковом казачьем управлении. Чокан был адъютантом у Гасфорта; потом в Петербурге не более года; и, наконец, в последний раз в Омске».

Впервые Потанин увидел своего будущего друга в омской квартире В. И. Дабшинского, переводчика при пограничном начальнике. Именно этот Дабшинский привез Чокана из отцовского аула по поручению Чингиса Валиева. Ровесникам было тогда двенадцать лет. По воспоминаниям Потанина, казахский мальчик любил рисовать карандашом; Дабшинский показывал картинку, нарисованную Чоканом уже в Омске: русский город поразил мальчика, и он изобразил карандашом один из городских видов.

Однако дружба началась значительно позже, когда Чокан проучился в корпусе уже не один месяц. Основным препятствием, естественно, послужило то, что Чокан приехал в город, не зная ни слова по-русски (вопреки утверждениям иных его биографов). Потанин же — в отличие от многих своих сверстников-казачат — не умел говорить по-казахски. Только когда юный Валиханов в достаточ-

ной мере освоился с русской речью, обнаружилась общность интересов, переросшая затем в пожизненную горячую дружескую привязанность.

Возглавил реформы в училище — и возглавил очень энергично — назначенный инспектором классов молодой капитан-артиллерист Ждан-Пушкин, переведенный в Сибирь с Кавказа. Надо сказать, что мы ошибаемся, нередко представляя себе чуть ли не всех армейских офицеров николаевского времени ограниченными и малообразованными бурбонами и скалозубами. Что исключения из этого правила не являлись такой уж фантастической редкостью, свидетельствует хотя бы офицерский круг знакомых А. С. Пушкина... Скромный армейский офицер — «кавказец» Ждан-Пушкин был высокообразованным человеком, прекрасно знавшим три европейских языка, историю литературы (особенно английской), всеобщую историю, математику, военные науки. Потанин говорил, что когда Ждан-Пушкину приходилось замещать отсутствующих учителей, то он любой предмет читал лучше преподавателя-специалиста. Он был и человеком большой внутренней порядочности. Убежденный монархист, он не раз нарушал установления, обязательные для верноподданного Николая I, когда считал их несовместимыми с правилами благородного человека. В частности, он помог Ф. М. Достоевскому, тайно переслав записку писателя, ставшего острожником омского «мертвого дома», в Петербург. В интересах воспитания кадетов он шел и на более длительный риск. Григорий Николаевич вспоминал: «Такие деликатные предметы, как история литературы и всеобщая история, преподавались нам конспиративно». Это в конце концов и было раскрыто одной учебной ревизией; с особенным негодованием ревизоры отметили, что курс истории русской литературы составлен по статьям Белинского, имя которого тогда вообще находилось под запретом; к счастью, особых последствий ревизорское заключение-донос не имело.

Наконец, Ждан-Пушкин, несомненно, был прирожденным педагогом. Это видно и по тому, как он быстро и успешно реорганизовал учебу в корпусе, и по его огромному личному влиянию на воспитанников, видевших в своем наставнике идеал «благородного человека».

Инспектор классов оставил лишь трех прежних учителей; один из них, Костылецкий, был тем самым словесником, что построил свой курс по трудам Белинского

(впрочем, имя великого критика называть он все-таки не решался). Костылецкий восхищался Гоголем, с благоговением вспоминал о Пушкине, которого когда-то видел в Казани. Человек независимого характера, резкий на язык, он немало влиял на кадетов и как воспитатель неустанно и ядовито высмеивал пошлость во всех ее проявлениях. Костылецкий по образованию был ориенталистом, выпускником Казанского университета, знал ряд тюркских языков, казахский, в частности, интересовался казахской поэзией. У него хранились, например, списки нескольких вариантов бессмертной поэмы о Козы-Корпеш и Баян-Слу. Позже он читал их вместе с Чоканом Валихановым, восхищаясь глубиной и правдивостью степной легенды о непобедимой любви.

Другим учителем, имевшим сильное влияние на умственное и нравственное развитие и Потанина, и Валиханова, стал молодой поляк историк Гонсевский. Гонсевский следил за развитием своей науки, готовился к серьезной научной деятельности (впоследствии, вернувшись в Россию, он, человек крайне нервный и впечатлительный, покончил с собой). Гонсевский — с согласия Ждан-Пушкина, конечно, — читал кадетам историю Великой французской революции (о ней молчали и в российских университетах!), «сочувственно изобразив главных ее деятелей» (Потанин).

Гонсевский был уже из приглашенных Ждан-Пушкиным преподавателей. Другим его приобретением являлся учитель закона божьего Сулоцкий, молодой образованный священник, уделявший на своих уроках основное внимание не богословским проблемам, а вопросам практической этики, воспитания в себе того же «благородного человека». Он постоянно обращался к примерам из повседневной жизни, звал кадетов строить свою жизнь на основе высоких нравственных идеалов. Характерно, что мусульманин Чокан добровольно и охотно посещал эти уроки. Но, пожалуй, еще более характерно, что в религиозном отношении они на него никакого влияния не оказали — Валиханов рано осознал себя атеистом.

Разумеется, нам нет нужды идеализировать обстановку в Сибирском кадетском корпусе. При всем описанном выше она была достаточно суровой. Существовали телесные наказания, занятия были очень напряженными, еда — однообразной, преподаватели считали ненужным,

да и непедagogичным, показывать теплое отношение к будущим армейским служакам (единственным исключением в этом смысле являлся Гонсевский)... Все это так, но, несомненно, корпус давал — желающим — немало знаний и способствовал выработке определенного (и отнюдь не обывательского) нравственного кодекса. Конечно, в прежней «казацкой бурсе» был бы невозможен случай, описанный в воспоминаниях Потанина. После какой-то шалости одного кадета «Пушкин наказал класс лишением отпуска в воскресенье по домам, пока класс не выдаст шалуна. Целых полгода длилось наказание и кончилось тем, что Пушкин уступил. Класс распустили по домам, хотя имя виновника наказания осталось начальству неизвестным. Одноклассники Чокана говорили: «Тот, кто сделал шалость, должен был сам сознаться в своем преступлении, чтобы избавить класс от наказания. Но он трус и у него не хватает мужества это сделать. А мы нравственно не можем его выдать».

Наставники учили кадетов прямоте и душевной смелости и умели ценить эти качества. Вот опять из воспоминаний Потанина (мемуарных очерков он написал много; порой они повторяют друг друга; отдельной книгой они полностью не выходили): «Математика не давалась Чокану, и начальство смотрело на это снисходительно. Однажды Пушкин вошел в класс, в котором кадеты готовились к экзамену. Они собрались вокруг большой черной доски; один из лучших учеников по математике писал на доске и объяснял. Чокан сидел в глубине класса, вдали от этой группы и смотрел в потолок. Пушкин... спрашивает Чокана: «Валиханов! Вы что не готовитесь?» Чокан смело ответил: «Если я стану к доске вместе с другими, это будет простое притворство, потому слушать я все-таки не буду. Если я в течение года от самого учителя не мог постигнуть эту науку, то постигну ли ее в течение двух-трех часов от второстепенного преподавателя?»

«Идите за мной!» — сказал Пушкин.

Он увел его в инспекторскую комнату; кадеты думали, что Пушкин запер его, чтобы потом по окончании классов высечь. Но Пушкин посадил его в своем инспекторском кабинете к столу и дал ему читать книжку «Современника».

Вообще педагоги рано стали выделять юного казаха из среды сотоварищей, отмечая его совершенно вы-

дающиеся способности. Ему не было и пятнадцати, когда корпусные учителя стали смотреть на него как на будущего выдающегося ученого-путешественника, которому между его одноклассниками уготована особая, блестящая судьба. Впрочем, было бы преувеличением утверждать, что именно они первыми «открыли» Чокана. Одновременно с ними, а может быть и несколько раньше, он был «открыт» и передовым обществом Омска, теми чиновниками и офицерами, интересы которых выходили далеко за рамки личных и служебных дел. Их в столице Западной Сибири насчитывалось не так уж много, но они были, и их роль в духовном росте юного Валиханова забывать не стоит.

С самого начала учения в смысле возможностей быстрого умственного развития «инородец» Валиханов оказался, как это ни парадоксально на первый взгляд, в более выгодном положении, чем его русские соученики.

После реформы корпус стал делиться на две неравные части: роту (около 200 человек) и эскадрон (50 человек). В первой обучались дети чиновников и пехотных офицеров, во втором — исключительно казачьи дети. Чокан был зачислен в эскадрон, что диктовалось не его происхождением (как известно, по рождению он был аристократом высшей марки, чингизидом), а вполне резонной мыслью, что среди кадетов-казаков найдутся прилично знающие казахский язык, и это поможет Чокану быстрее овладеть русским. Вообще же привилегированной частью корпуса считалась именно рота. В настоящем привилегия были не ахти какие — одно обращение, одни преподаватели; правда, в роте учили еще, например, танцам и немецкому языку. Зато по выходе из корпуса пехотный офицер сразу же начинал получать чуть ли не вчетверо больше жалования, чем казачий...

Но была тут существенная сторона, имевшая значение именно для духовного развития подростков. Воскресенья кадетам полагалось проводить дома. Не у всех родители жили в Омске, но почти у каждого в столице Западной Сибири находились близкие родные. И вот кадеты эскадрона по воскресеньям попадали в среду, мало способствовавшую становлению серьезных умственных интересов. У подавляющего большинства казачьих офицеров вся жизнь проходила в сфере служебных дел, кругозор их оставался ограниченным. Мы уже говорили, что

даже такой выдающийся офицер-казак, как отец Потанина, не слышал о Пушкине...

Надо полагать, что и родные «ротных» далеко не все выглядели образцами интеллигентности, но Чокан-то оказался в этом отношении в очень удачной ситуации: его с первого класса (всего в корпусе было три класса, в каждом учились по два года) стали приглашать по воскресеньям в действительно лучшие, самые интеллигентные дома Омска той поры, и приглашали его люди, всегда готовые поделиться знаниями.

Не думаю, чтобы тут имел какое-либо значение экзотический интерес. Просто в то время как царское правительство упорно не признавало равенства своих нерусских подданных с великороссами (уже в конце века, разговаривая с Миклухо-Маклаем, Александр III заметил, что, конечно, «по христианству» сибирских инородцев, скажем, следовало бы признавать такими же людьми, как европейцы, но в административной практике это невозможно), русская интеллигенция в лице своих лучших представителей всегда считала своим долгом поддерживать стремящихся к знаниям сыновей других народностей, облегчить им их нелегкий путь. К слову сказать, представители коренных азиатских национальностей были в Сибирском корпусе, разумеется, исключением из правила, но все же не таким уж абсолютным. Так, одновременно с Чоканом учился талантливый бурят Николай Пирожков, впоследствии участник потанинского «сибирского землячества» в Петербурге.

Первую зиму в Омске Чокан бывал по воскресеньям у А. А. Сотникова, чиновника управления киргизской степью. Сотников знал Чингиса Валиева; возможно, в какой-то мере он повлиял на решение отца Чокана отдать мальчика в кадетский корпус. Он бывал в ауле Чингиса, Валиев вспоминал о нем уже глубоким стариком в 1895 году. Он рассказывал русским гостям, что, приезжая в аул, Сотников всегда переодевался в казахское платье... Этот чиновник отнюдь не был чужд литературных интересов; о своих поездках в Кушмурун он рассказал в очерке «День в киргизском ауле», напечатанном в «Одесском вестнике» в 1842 г. Чокан читал этот очерк и говорил о нем Потанину.

В очерке в романтических красках автор повествует о «жизни, которую я веду здесь. Это смесь благородства и низости, лени и донельзя и храбрости и неутомимости

беспримерной, славная жизнь! Вот мы напьемся чаю (кумыс уже надоел), пойдем в степь; борцы поборются, а там снова песня, потом к утру сказки; взойдет солнце, мы ляжем спать, а бабы станут доить коров и кобыл. Днем занятия по службе и опять та же жизнь, полная деятельности невероятной и происшествий, у нас на юге и в образованном обществе непонятных».

Это писалось тогда, когда аулам Чингиса угрожал набегам мятежный Кенесары; поэтому в юртах и не спали до утра.

Но посещать знакомого своего отца Чокану довелось лишь несколько месяцев. Потанин писал о Сотникове: «Это был способный человек, но неукротимый дикий характер сгубил его. Он постоянно делал скандалы: то прострелит кому-нибудь ногу, то, переодевшись киргизским джигитом, отлупит нагайкой своего врага, полковника, едущего в сумерки на дрогах из гостей. Кончил он тем, что его осудили и сослали на север Енисейской губернии, откуда он прислал в Омск остроумное описание жизни «на краю света», как он выражался. Его перевели потом в более благодатный край, в Забайкалье. Переезжая через Байкал, он бросился с борта парохода в воду и утонул».

Затем Чокан посещал офицера Генерального штаба Померанцева и своего кадетского учителя историка Гонсевского (известно, что Гонсевский беседовал с подростком и на политические темы), наконец, семейство Гутковских и Капустинных (находившихся между собой в близком родстве). С ними Валиханов сохранил искренние дружеские отношения надолго, почти до конца своей короткой жизни.

Карл Казимирович Гутковский принадлежал к числу наиболее знающих и гуманных сибирских администраторов, казахские исследователи говорят о нем как об искреннем друге казахского народа. О нем сочувственно писал в «Колоколе» Герцен. Карл Казимирович также хорошо знал Чингиса Валиева; кроме того он сам, одновременно со службой, преподавал в корпусе (читал географию и геодезию). По словам современника, в его доме казахский подросток был принят «как родной сын».

У Гутковских и Капустинных постоянно бывали не только омичи, интересовавшиеся наукой, литературой и искусством, но и проезжавшие через Омск столичные

путешественники — ученые и литераторы. Здесь увлекались великими английскими писателями-реалистами — Диккенсом и Теккереем; их книги Валиханов приносил в корпус. Естественно, что «развивался Чокан быстро, опережая своих русских товарищей».

Дружба Чокана и Григория началась с рассказов Валиханова о своем детстве, об аульном быте. Первое время в городе он сильно скучал по вольной степной жизни, с трудом привыкал к новому укладу (особенно тяжело ему было вставать рано утром, нередко спронеся он запускал сапогом в будивших его товарищей), Потанин же, уже «отравленный» географической романтикой, оказался любознательным и благодарным слушателем (значит, сближение их произошло уже тогда, когда Чокан достаточно хорошо овладел русской речью), мало того, он постоянно записывал рассказы своего друга.

Может быть, под его влиянием Чокан стал постепенно больше и говорить не о прошлом, а о будущем, воспоминания сменялись мечтами и планами.

В скудной ученической библиотеке (строго говоря, такой библиотеки не существовало, книги для внеклассного чтения хранились в кадетских спальнях в запертых шкафах) нашлось несколько описаний путешествий, которые еще больше разожгли пылкие, но пока весьма неопределенные мечтания подростков о дальних странствиях. Мечты стали на более реальную почву, «когда начальство разрешило Чокану брать книги из фундаментальной библиотеки. Это в нашем развитии была эпоха, когда Чокан принес из недоступного книгохранилища «Путешествия Палласа» и «Дневные записки Рычкова». Толщина книг, их формат, старинная печать, старинные обороты речи и затхлость бумаги — как это было удивительно, необыкновенно, полно поэзией старины» (Потанин).

Эти книги говорили о том, что необыкновенное — рядом, что замечательные открытия можно совершить и в той степи, которая начиналась на другом, левом берегу Иртыша. И недаром друзья не раз выходили на берег великой реки и жадными глазами смотрели на эту степь с дымками костров у одиноких юрт...

Правнук хана Аблая с детства отличался активным, решительным, можно сказать, воинственным характером. Обладавший способностью с редкой нежностью привязываться к полюбившимся ему людям (ведь в разные годы

его близкими друзьями были столь несхожие натуры, как С. Ф. Дуров, Ф. М. Достоевский, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, А. Н. Майков, К. К. Гутковский, Вс. Крестовский), он, однако, никогда не стремился стать хорошим для всех. Враги у него имелись тоже всегда. Он не устал преследовать пошлость, своекорыстие, тупоумие, невежество. И началось это еще в корпусе.

В каждом классе был свой вожак, которому подчинялись остальные мальчики. Выдвигались в вожаки и физической силой, и умом, и ранней деловой хваткой. В классе Чокана был как раз последний случай. В лидеры выдвинулся не по годам предприимчивый «негоциант». Он начал свою карьеру с того, что по воскресеньям выпрашивал лакомства у кадетов, ходивших к родным в город. Однако выпрошенное не съедал, а стойчески сохранял до середины недели, когда сладкие припасы у лакомок полностью исчерпывались. Тогда он выменивал сохраненное на бумагу, перья и прочие письменные принадлежности, с которыми в корпусе было туго, и таким образом создал у себя настоящий маленький магазин канцтоваров. Их он обменивал уже на различные услуги, держа, например, при себе настоящих репетиторов из лучших учеников, благодаря чему ходил в успевающих, хотя был туп и бездарен. И вот этому маленькому мироеду Чокан объявил войну. Он неустанно преследовал его язвительными насмешками, поднял против него его «рабов» и в конце концов сверг его власть и сам стал вожаком класса. Излишне и говорить, что своей властью он не ущемлял никого из одноклассников. Это была власть ума, знаний и нравственного авторитета. К Чокану нередко обращались товарищи с вопросом: «Как поступить в таком-то случае благородному человеку?»— и его ответ безусловно признавался окончательным решением.

Но и для Чокана, для его духовного развития, дружба с товарищами по «эскадрону» была немаловажной. Потанин писал: «Казахский барчонок, потомок казахских ханов... попал в совершенно плебейскую среду, потому что многие кадеты эскадрона были дети офицеров, выслужившихся в офицеры из простых казаков... Эта жизнь в плебейской среде, вероятно, не осталась без влияния на образование демократических мыслей Чокана».

Заканчивая рассказ о жизни друзей в корпусе, сле-

дует отметить вот еще что: Ждан-Пушкин оказался единственным в то время в Сибири педагогом, который считал необходимым дать своим ученикам некоторые знания о прошлом и настоящем их родного края. По его поручению преподаватель Е. И. Старков (казак) прочел кадетам специальный курс географии казахской степи. Сулоцкий много рассказывал об истории Сибири (у него были специальные исследования по этому предмету).

Это, надо думать, в какой-то степени сказалось и на углублении интереса Валиханова к прошлому родной земли и на становлении идей «сибирского патриотизма» у Потанина.

Много лет спустя, уже стариком (которому, однако, предстояло прожить еще четверть века) Григорий Николаевич Потанин говорил на торжественном — в его честь — заседании Западносибирского отдела Русского географического общества: «Омск — это моя духовная родина, здесь я когда-то с моим покойным другом Чоканом Валихановым впервые начал мечтать о тех трудах, выполнить которые пришлось мне одному, так как бедный друг мой скоро умер. Но я уверен, что при исполнении тех задач, которые мы себе намечали, он мог бы создать себе громадное имя. Что касается меня, я сделал все, что мог, не отступая от тех предначертаний, которые мы себе когда-то вместе составили».

Потанин окончил кадетский корпус в 1852 году. Валиханов — в следующем. «Отсюда судьба их начала сильно разниться», как говорится в лесковском «Левше». Во всяком случае — на несколько лет.